

Проблема экспертной идентификации субъекта в речевом акте угрозы

Т. В. Бердникова, О. Н. Дурнева

Саратовский государственный университет, Орловский государственный университет
durnevy@mail.ru

Речевой акт, угроза, субъект, речевое воздействие.

Summary. Threat is quite complex linguistic phenomenon to identify which a linguist is needed.

В последние десятилетия проблематика речевого общения является одной из наиболее привлекательных областей исследования. Определение речевого акта угрозы и четкое его разграничение с речевыми актами другого рода приобрело в настоящее время практическую необходимость. С развитием и становлением правового демократического общества широкое распространение получила практика обращения органов коммунікантов и судов к экспертам направленности для разрешения вопросов, требующих специальных знаний в какой-либо области. Ситуации угрозы, запугивания, предупреждения являются одними из сложнейших в процессе речевого взаимодействия. Необходимо изучить природу и характер высказывания, выражающего угрозу, как речевого акта, выяснить его семантику и структуру, принять во внимание предмет разговора и обстановку, в которой осуществляется процесс речевого общения, а также намерения коммуникантов. Привлечение лингвистов к идентификации речевых актов угрозы в спорных текстах, на наш взгляд, существенно повысит объективность выносимых решений, ведь, с одной стороны, не каждое высказывание, напугавшее адресата, фактически является угрозой, а с другой – формально нейтральная фраза может на уровне подтекста содержать информацию, воспринимаемую адресатом речи в качестве реальной угрозы его жизни или здоровью. Одним из необходимых условий для идентификации речевого акта угрозы является наличие ее субъекта (говорящий-инициатор предполагаемого негативного действия).

Речевой акт угрозы реализуется в диалогическом общении, которое предполагает взаимодействие адресата и адресанта высказывания, в данном случае речь идет о форме проявления вербальной агрессии. В зависимости от направленности коммуникации можно выделить специфику речевого акта угрозы.

При рассмотрении меназивного речевого акта следует выделять семантический субъект (инициатор ситуации, непосредственно исполняющий предполагаемое негативное действие). Такой подход наиболее удачен при рассмотрении речевого акта угрозы, так как грамматический субъект не всегда отражает говорящего или предполагаемого исполнителя негативного действия.

Кроме того следует различать субъекта-говорящего и субъекта-исполнителя. На наш взгляд, независимо от формы передачи информации, автор (если исключить варианты передачи информации через каких-либо посредников), как правило, является лицом, заинтересованным в результате речевого акта. Однако говорящий не всегда является деятелем. Под субъектом речевого акта угрозы мы понимаем лицо, которое должно осуществить действие, названное в речевом акте угрозы. В случае, когда говорящий и исполнитель предполагаемого негативного действия совпадают, в предложении, содержащем речевой акт угрозы подлежащее выражено местоимением первого лица: **Я тебя убью, зарежу; Я тебя сейчас убью! Задушу!; Я тебя убью; Я тебя сейчас зарежу, уходи из моего дома!, Я тебя уничтожу! Я тебя накажу!** (здесь и далее в качестве иллюстративного материала нами были использованы высказывания, послужившие основой для вынесения приговора по статье 119 УК РФ в судах Орловской и Саратовской области в 2000-х

годах) и т. д. В этом случае местоимение первого лица *я* указывает на говорящего. В эту же группу можно отнести односоставные определенно-личные предложения со сказуемым, выраженным глаголом будущего времени первого лица. Например, *Убью! Задушу! Задушу! Зарежу!*

Однако не во всех случаях источником негативного воздействия является говорящий. В рассмотренных нами примерах был выделен массив фраз, которые условно можно разделить на две подгруппы:

А) Угроза негативных действий со стороны определенных лиц (например, **Ром. Где ты есть? Давай, подвезжай, ее в багажник, и (в лес ее). Давай только быстро. Щас ты мне все подпишешь, ты куда денешься.** Данные реплики были произнесены во время телефонного разговора. Один из коммуникантов ненадолго прерывает процесс общения с собеседником по телефону и обращается к другому человеку, по всей видимости, находящемуся неподалеку. Фраза обращена к третьему пассивному участнику разговора. По нашему мнению, происходит процесс речевого воздействия, так как говорящий умышленно не скрывает своих намерений. Несмотря на обращение некоему лицу, названному *Ром*, эта фраза адресовалась слушающему в качестве подтверждения серьезности намерений говорящего, подтверждения реальности угрозы, возможности ее осуществления.

Б) Угроза возможных негативных действий со стороны неназванных людей. Группа более многочисленна. Этот прием используется в том случае, когда доводы говорящего оказываются недостаточно убедительными, их необходимо усилить с помощью речевого воздействия. Для человека, по мнению говорящего, гораздо опаснее выгладит неопределенная угроза со стороны неизвестных лиц (например, *...тебя завтра не будет. Вместе (с мамой) взорвут приедут. Я к тебе подходить не буду, будут другие люди, тебя проведут; ...Вот щас ребята едут, ща бросят тебя в багажник, и отвезут. И посмотрим, что ты подпишешь, что ты не подпишешь.* Форма множественного числа указывает на многочисленный состав (два и более человек). В данном случае содержится указание на конкретные намерения людей. Фраза носит утвердительный характер, не имеет маркеров, указывающих на сомнение говорящего в возможности подобного результата.

Особенностью приведенных реплик является то, что говорящий предстает в образе человека, не желающего причинять зло собеседнику. В качестве источника негативных действий выступают лица, названные словами *ребята, люди*. Однако понятно, что говорящий прямо заинтересован в решении вопроса, так как именно от него исходит инициатива по привлечению к решению проблемы посторонних лиц.

Подобный анализ реплик с целью определения субъектной, объектной принадлежности, содержания предполагаемого действия в конкретном негативном дискурсе позволяет лингвисту уяснить систему языковых средств, наиболее часто используемых при произнесении речевых актов угрозы, которые позволили говорящему достичь наибольший коммуникативный эффект. При наличии большого количества аналогичных исследований, основанных на реальных высказываниях, на наш взгляд, возможно создание матрицы, позволяющей более объективно оценивать конкретные высказывания.

Словесный экстремизм:

спорные вопросы диагностики и проведения лингвистических исследований

М. А. Венгранович

Тольяттинский государственный университет
wmaphil@mail.ru

Словесный экстремизм, экстремистская деятельность, социальная группа, призыв

Summary. The paper is devoted to problems of wordy extremism interpretation.

Сложная общественно-политическая обстановка в современной России заставляет разных исследователей вновь

и вновь обращаться к проблеме противодействия экстремизму.

Одним из проявлений экстремизма в современном обществе является *словесный экстремизм* [1], который находит все новые каналы распространения (это и СМИ, как бумажные, так и электронные, Интернет, листовки и др.). В связи с этим осложнившаяся общественно-политическая ситуация требует надежного правового инструментария для диагностики экстремистских проявлений и соответствующего наказания, а также специальных лингвистических познаний для объективной интерпретации экстремистской и ксенофобной риторики. Российское законодательство предусматривает различные способы борьбы со *словесным экстремизмом* (то есть таким деянием, которое совершается на почве национальной, религиозной, этнической неприязни в процессе речевой коммуникации в словесной (текстовой) форме. Это, прежде всего, уголовные преследования с учетом диспозиции статьи 280 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности») и статьи 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»), а также применение Федерального закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности» (от 25 июля 2002 г.). Приходится, к сожалению, констатировать, что многие ключевые термины антиэкстремистского законодательства недостаточно четко детерминированы в правовых текстах, что затрудняет их интерпретацию не только специалистами в области права и правоприменения, но и привлекаемыми к исследованию спорных текстов лингвистами. Исходя из исследовательской практики, к таким понятиям можно, прежде всего, отнести понятия *социальная группа* и *призыв*.

1. Понятие *социальная группа* является одним из индикаторов диагностики текстов экстремистской направленности как содержащих признаки действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо различных групп лиц (по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе).

Интерпретация данного понятия в практике проведения лингвистических исследований спорных текстов осложняется, прежде всего, отсутствием единой трактовки понятия как в законодательных текстах, так и в социологических исследованиях. Как положительный факт можно отметить попытку разъяснить понятие *социальная группа* в Постановлении Пленума Верховного суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (29 Июня 2011 г.), в тексте которого рекомендовано не рассматривать в качестве социальной группы «должностных лиц», которые понимаются в российском законодательстве как лица, представляющие власть или осуществляющие от ее имени распорядительные функции. Однако, в контексте лингвистического исследования, целью которого является выявление признаков словесного экстремизма, остается неясным, следует ли относить к социальным группам лиц, представляющих правоохранительные органы, администрацию предприятий и др.

В социологических исследованиях определяются различные критерии для разграничения элементов социальной структуры общества (от выделения различных видов социальных структур – классовой, социально-демографической, половой, профессиональной и др. – до конструктивистского подхода, на основе которого разграничивались социальная группа, социальный слой, социальная общность, поколение, когорта и т. д.). В рамках проведения лингвистических исследований целесообразно различать, прежде всего, понятия *социальная группа* и *социальная организация*. Под *соци-*

альной группой понимают совокупность людей, имеющих общий социальный признак и выполняющих необходимую функцию в структуре общественного разделения труда, в образе жизни [3], обладающую «устойчивостью, стабильностью, однородностью, сплоченностью» [2: 32], и по этому признаку социальная группа, на наш взгляд, существенно отличается от близкого понятия *социальная организация*, которая, по мнению исследователей, обладает строго формализованной иерархической структурой, основанной на социальных статусах, ролях и должностях [3]. В соответствии с этим *представителей различных ветвей власти* (федеральной, региональной; законодательной, исполнительной и др.), *представителей администрации (руководства) любого предприятия или организации* в рамках проведения лингвистических исследований спорных текстов целесообразно рассматривать как разновидности социальных организаций, имеющие аппарат управления и обладающие выстроенной в определенную иерархию систему должностей с четкой субординацией и координацией деятельности, подчинением одних другим, а не как социальные группы, обладающие стабильностью и однородностью, имеющие общий, четко фиксируемый социальный признак (как, например, половозрастные группы – мужчины, женщины; молодежь, пенсионеры; религиозные, национальные, политические группы – коммунисты, демократы и др. по убеждениям, но не входящие в политические организации, и др. группы).

2. Исходя из текста ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», экстремистские материалы квалифицируются через два доминантных признака – *призыв* к осуществлению экстремистской деятельности (под которым упомянутый выше Пленум Верховного суда РФ рекомендует понимать выраженные в любой форме *обращения* к другим лицам с целью *побудить* их к осуществлению экстремистской деятельности) и *обоснование* или *оправдание* необходимости осуществления такой деятельности. В соответствии с этим лингвистическая диагностика наличия призыва (в любой из форм) в тексте должна опираться на понимание того, что коммуникативное намерение побуждения к действию может быть реализовано в тексте как в явном (эксплицитном) виде (*Смерть оккупантам!*), так и неявно, имплицитно (например, в конструкциях, несущих оценочные смыслы, когда авторы экстремистских текстов, описывая стереотипную ситуацию с известной носителем языка фактологической базой, которая может иметь или имеет в настоящее время негативные последствия для каких-либо групп населения, могут намекать на определенные действия по изменению ситуации, которые желанны для авторов текста, камуфлирующих свое побуждение: *А сколько в стране нелегальных мигрантов?! Сколько кавказских преступных бандформирований и группировок?!; Иудеи Иисуса распяли, иудеев мы в Россию не звали...*). Во всех описываемых случаях с косвенным (неявным побуждением) задача лингвистов – выявить подлинные коммуникативные действия авторов экстремистских текстов и разоблачить речевую манипуляцию.

Литература

1. *Галышина Е. И.* Лингвистика vs экстремизм: В помощь судьям, следователям, экспертам / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. М., 2006.
2. *Мухаев Р. Т.* Социология. Конспект лекций: учебное пособие. М., 2010.
3. *Тезаурус социологии: тематический словарь-справочник* / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М., 2009.

Венгранович М.А. Словесный экстремизм: спорные вопросы диагностики и проведения лингвистических исследований/ Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им.М.В.Ломоносова, филологический факультет, 18-21 марта 2014 г.): Труды и материалы /Составители М.Л.Ремнева, А.А.Поликарпов, О.В.Кукушкина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014 г. С.744-745